

**НАСЛЕДИЕ МОДЕРНИЗМА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ВЕРСИИ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ Г. БАШЛЯРА**

Наступление постмодернизма в историографии и философии истории проявилось к началу XXI в. в почти полной монополизации культуры концепциями неклассической и постнеклассической философии. Сказывается и критическое, а порой и пренебрежительное отношение к классике — дескать, ее теории, нацеленные на метаобъяснения с верой в прогресс и адекватность

270

реальности, перестали работать в наше время [1]. И все же, видимо, авангардно-негативные настроения по отношению к периоду модернизма в философско-исторической сфере сменяются более взвешенным подходом.

Примером тому может служить переосмысление творчества такого известнейшего в 30—60-е гг. XX в. историка науки, философа, литературоведа, как Гастон Башляр. Следует отметить, что в отличие от других «буржуазных» философов тех лет (кавычки здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть условность классификации в традиционно-советской историографии, поскольку основной мишенью своей критики Башляр избирал именно буржуазность, будучи ярким антитрадиционалистом и поклонником, если не сказать верующим, науки) Г. Башляр не был обижен вниманием ни отечественных исследователей [2], ни тем более французских башляроведов [3].

Сегодня мы наблюдаем на Западе устойчивую тенденцию роста интереса к его творчеству. Чем продиктовано это внимание? Прежде всего, новыми акцентами в осмыслении башляровских концепций. Если раньше основными объектами изучения его наследия были философия науки и философия образа, закономерности познания и воображения, то нынешнее поколение выделяет иные «болевы точки». Задаваясь вопросами о причинах границы, пролегшей в исследованиях Башляра между изучением познания и воображения, между «человеком дня» и «человеком ночи», авторы подчеркивают открытость его философского подхода. Именно эти свойства — открытость, незавершенность, фрагментированность, плюрализм, присущие сегодняшнему историко-философскому пространству, обнаруживаем мы и в исследовательской доктрине Г. Башляра.

И если советские и российские исследователи подчеркивали историко-научные труды Башляра, выделяя в них все материалистическое, рационалистское (осмысление теории относительности, теплопередачи, представление о разрывах, макро- и микромиры в физике, теория приближенного знания, понятие эпистемологического препятствия) и оставляя за скобками то, что казалось второстепенным (под эту статью фактически попала добрая половина работ Башляра, посвященных природе воображения и образа), то французские авторы 1990—2000 гг. подчеркивают символическое единство всего подхода Г. Башляра — философскую открытость, попытки познать проблемы репрезентации реальности, источники разума и воображения.

Возвращение, правда совсем с иных позиций, к творчеству многих модернистов, среди которых можно назвать и В. И. Пичету, следовавшего философско-методологическим канонам своего времени, и яркого апологета науки Г. Башляра, особенно примечательно еще и потому, что закономер-

271

но — прогресс в науке, будь то историография, философия или история, невозможен без усвоения прежних ценностей. Но понятно, что каждый историк — дитя своего времени. И, занимаясь историей в наше время, мы, естественно, отдаем дань его «атмосфере» — задавая вопросы истории, мы даем на них ответы в той, так сказать, кодировке, которая понятна и воспринимается современниками. Обращаясь к наследию Башляра, мы видим сегодня то, что «просмотрели» раньше: «История науки необходимо обусловлена ценностями прогресса научной мысли. Даже в период общего регресса идет собирание истины. Она ждет ренессанса...» [4].

Историография или философия истории — дисциплины, которые не могут не быть вовлеченными в общий культурный дискурс постсовременности. В условиях разрастающейся специализации и фрагментированности исторического знания потребность в его осмыслении как части общей картины нашего «сего дня» ощущается достаточно остро. При этом мы констатируем все более увеличивающееся

число релевантных для исторической реконструкции моментов. Как и в истории науки вообще, так и в историографии «расширение зоны релевантности показывает, иными словами, рост связности, “контекстуальности” культурной ткани, на которой, как на основе, историк “вышивает” свой специфический “узор”» [5].

Как показывает практика современных исследований, разделение «культуры» и «науки» проблематично, а в случае с Башляром — невозможно. Именно эта черта его наследия становится сегодня особенно значимой. Не случайно многие авторы настаивают на преемственности между Г. Башляром и М. Фуко. Не случайно и то, что идеи Башляра о нелинейности и открытости знания рассматриваются как предвестники пригожинской теории диссипативных структур, науки о хаосе и теории сложности, «синергетики лазера» Г. Хакена. Именно открытость башляровского представления о знании, его преклонение перед «человеком дня» (разумом) и «человеком ночи» (воображением) заставляет нас вновь возвращаться к его наследию, показывая постмодерн как проект «после модерна», наследующий, но уже не отрицающий модернистские концепции.

Позиция Г. Башляра в отношении комплекса гносеологический vs онтологический близка сегодняшнему положению дел в историографии. На первый взгляд, в отличие от многих других философов своего времени, он как будто не поднимает в своих трудах проблем бытия. Напротив, в интерпретации Башляра онтология фактически «врастает» в гносеологию, перерождая бытие в познание и соответственно представляя философию в качестве интеллектуальной антропологии в «описании и педагогики научного разума». Такое течение приняла философско-историческая мысль во второй

половине XX в., и многие авторы отмечают сдвиг исследовательских акцентов в сторону историографии и критической (гносеологической) философии истории [6], рост таких направлений, как новая культурная и интеллектуальная истории, особенно охотно анализирующих эпистемологические проблемы наследия модернизма, историческое воображение, историю представлений и дискурсивных практик. Уделяя большое внимание проблемам топологической теории, активной роли языка, воображения, нарративной структурированности текста, они нацелены на позитивное переосмысление процессов познания истории и передачи исторического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сущность постмодернистского переворота в сознании видна из цитаты: «Постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления». См.: *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. М., 1996. С. 230.
2. См.: *Визгин, В. П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки / В. П. Визгин. М., 1996; *Зотов, А. Ф.* «Прикладной рационализм» Гастона Башляра / А. Ф. Зотов // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60—70-х гг. М., 1980; *Его же.* Концепция науки и ее развитие в философии / А. Ф. Зотов // В поисках теории развития науки. М., 1982; *Зотов, А. Ф.* Современная буржуазная методология науки / А. Ф. Зотов, Ю. В. Воронцова. М., 1983; *Кузнецов, В. Н.* Французская буржуазная философия / В. Н. Кузнецов. М., 1970; *Федорюк, Г. М.* Французский неорационализм: критический очерк / Г. М. Федорюк. Ростов, 1983; *Балашова, Т. В.* Научно-поэтическая эволюция Гастона Башляра / Т. В. Балашова // Вопр. философии. 1972. № 9.
3. Среди многочисленных авторов назовем лишь некоторых: Pascal Nouvel, Francois Dagognet, Odile Souville, Jean-Claude Pariente, Jean Gayon, Jean-Jacques Wunenburger, Dominique Lecourt, Guy Lafrance.
4. *Bachelard, M. G.* L'actualite de l'histoire des sciences. Universit  de Paris, 1951. Conference faite au Palais de la Decouverte.
5. *Визгин, В. П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки. С. 18.
6. *Ankersmit, F. R.* The reality effect in the writing of history: the dynamics of historical topology / F. R. Ankersmit. Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo, 1989.